

ГАТЫПОВА Александра Викторовна

**ВЛИЯНИЕ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЕЙ
НА РАЗВИТИЕ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА**

Специальность 10.02.22 – языки народов зарубежных стран Европы, Азии,
Африки, аборигенов Америки и Австралии (монгольские языки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

23 ДЕК 2010

Элиста 2010

Работа выполнена в отделе языкознания
Института монголоведения, буддологии и тибетологии БНЦ СО РАН

- Научный руководитель: доктор филологических наук,
академик РАЕН, член-корреспондент
Международного финно-угорского
научного общества, профессор
Рассадин Валентин Иванович
- Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Монраев Михаил Убушаевич
- кандидат филологических наук
Букулова Марина Георгиевна
- Ведущая организация: Забайкальский государственный
гуманитарно-педагогический университет
им. Н.Г.Чернышевского

Защита диссертации состоится «29» декабря 2010 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.305.01 при Калмыцком государственном университете по адресу: 358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Пушкина, 11, ауд. 218.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Калмыцкого государственного университета по адресу: 358011 Республика Калмыкия, г. Элиста, 5-й микрорайон (студгородок).

Автореферат разослан «29» ноября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

 — Б.В. Бадмаев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Как известно, монгольские и тюркские языки предположительно являются отдалённо родственными, входящими в алтайскую языковую семью. История монголо-тюркских языковых связей уходит своими корнями в далёкое прошлое. Соприкосновение тюркских и монгольских племён относят к временам хунну. Однако существует точка зрения, согласно которой взаимосвязи рассматриваемых племён начались ранее, ещё в эпоху бронзы [Рона-Таш 1974, с. 37]. Контакты тюркских и монгольских племён способствовали взаимному проникновению лексических, грамматических (включая морфологию и синтаксис) элементов в языках этих народов.

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим интересом к сравнительному, сравнительно-историческому и сопоставительно-типологическому изучению языков как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Исследования в этой области дают возможность показать развитие и функционирование языковых явлений как общих для всех языков мира, так и специфических. Общеизвестно, что монгольские и тюркские языки признаны отдалённо родственными, входящими в так называемую алтайскую семью языков, в состав которой включают также тунгусо-маньчжурские языки и корейский язык. При этом наибольшая материальная общность выявляется между монгольскими и тюркскими языками. Так, известный польский исследователь алтайских языков В.Л. Котвич установил, что около 50% грамматических элементов и около 25% лексики этих языков являются общими [Котвич 1962, с. 351]. Несмотря на то, что данный подсчёт был произведён учёным более полувека назад, нам не известны исследования по установлению подлинного объёма общности лексики и грамматики тюркских и монгольских языков и их соотношения с сопоставимыми элементами собственных языков, определения характера и объёма взаимовлияния указанных языков в отношении монгольских языков. Решение данной проблемы представляется весьма важным для изучения истории формирования как монгольских, в том числе бурятского, так и тюркских языков, а также имеет немаловажное научное значение для разрешения алтаистической проблемы, актуальность которой также бесспорна.

Состояние изученности проблемы. Вопрос о влиянии древних тюрко-монгольских языковых связей на формирование бурятского языка уже затрагивался в лингвистических и исторических исследованиях, однако специального комплексного, монографического изучения этой проблемы не

проводилось. Исследования касаются взаимодействия тюркских и монгольских языков и носят главным образом общий характер, вопрос же о природе и объёме влияния тюркских языков на монгольские исследователями затрагивался только в общих чертах и не касался конкретных языков.

Относительно проблемы влияния тюркских языков на формирование бурятского языка отметим, что большая часть работ посвящена главным образом выявлению тюркизмов в лексическом составе этого языка. Так, в работах Ц.Б. Будаева [1979, 1986], А.М. Щербака [1961, 1997, 2005] рассматриваются в сравнительном освещении слова бурятского языка, имеющие тюркское происхождение. Огромный вклад по выявлению тюркизмов в бурятском языке внес В.И. Рассадин [1969, 1977, 1981, 1985, 1987, 1988, 1999, 2007]. Учёным были выявлены собственно бурятские тюркизмы, т.е. лексика тюркского происхождения, имеющаяся только в бурятском языке. заслугой В.И. Рассадина является и тот факт, что исследователь в своих работах приводит большое количество бурятских слов тюркского происхождения, функционирующих не только в бурятском литературном языке, но и в диалектах бурятского языка, главным образом в его западных говорах.

Что же касается вопроса о влиянии тюркских языков на формирование грамматического строя бурятского языка, отметим, что количество имеющихся работ по данной проблеме, сравнительно невелико. Монографических работ по данному вопросу, насколько нам известно, нет, однако имеются исследования, частично затрагивающие грамматические категории бурятского языка, сформировавшиеся под тюркским влиянием или подвергшиеся ему. Это работы У.-Ж.Ш. Дондукова [1964, 1993], Г.Д. Санжеева [1953], Ц.Б. Цыдендамбаева [1979], Т.Б. Цыреновой, [1999, 2000].

Целью исследования является определение степени и глубины влияния тюркских языков на формирование бурятского языка, которое обусловлено древними языковыми связями бурятского и тюркских народов.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1) рассмотрение в основных чертах истории бурятско-тюркских языковых связей;

2) определение объёма и глубины влияния тюркских языков:

а) на формирование лексического состава бурятского языка, причём как общемонгольской и общечурятской лексики, так и лексики бурятских говоров;

б) на становление грамматического строя бурятского языка с выявлением общемонгольских, общебурятских и диалектных бурятских черт грамматики;

в) на словообразовательную систему бурятского языка, также с выявлением общемонгольских, общебурятских и диалектных бурятских черт.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Исследование лексического состава бурятского языка свидетельствует о большом количестве слов монголо-тюркского происхождения, при этом в процессе анализа бурятского, монгольского и тюркских языков было установлено наличие собственно бурятских тюркизмов, бытующих только в бурятском языке и отсутствующих в других монгольских языках и диалектах.

2. Исследование грамматического строя бурятского языка показало наличие типологического и материального сходства в грамматических категориях бурятского и тюркских языков.

3. Наряду с существующим материальным и типологическим сходством в грамматических категориях рассматриваемых языков было установлено наличие отличительных, присущих только бурятскому языку, характеристик, сохраняющих древнейшие компоненты пратюркского языка.

Объектом исследования является развитие бурятского языка под влиянием тюрко-монгольских языковых связей.

Предметом исследования является лексический состав и грамматический строй бурятского языка, сформировавшиеся под влиянием тюрко-монгольских языковых связей.

Материалом исследования послужили фактические данные, взятые из имеющихся грамматик, научных разработок в области тюркских и монгольских языков, конкретно бурятского языка, а также справочная литература – этимологический и древнетюркский словари, современные словари по монгольскому и бурятскому языкам.

Методы исследования. Для выполнения поставленных задач в диссертации комплексно использованы следующие методы лингвистического анализа: описательный, сравнительно-исторический, сравнительно-сопоставительный, сопоставительно-типологический, семантико-функциональный, методы обобщающей аналогии, компонентного анализа и синтеза. В ходе работы в разной мере применялись методы трансформационного, структурного и морфемного анализа.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые в монголоведении рассматривается влияние тюркских языков на формирование

бурятского языка – одного из монгольских языков. В процессе исследования выявлены объем и глубина тюркского влияния на бурятский язык в области лексики и грамматики, установлены новые факты, имеющие большое значение для изучения истории формирования как бурятского, так и других монгольских языков.

Сравнительные исследования показали наличие собственно бурятских лексических тюркизмов, а также наличие некоторых грамматических показателей, стоящих ближе к тюркскому оригиналу как в плане звукового оформления, так и в области семантики, что свидетельствует о самостоятельных связях бурятского языка с тюркскими.

Научная и теоретическая значимость диссертации состоит в том, что выводы и положения, полученные в результате проведенного сравнительного, сравнительно-исторического и сопоставительно-типологического исследования, имеющие большое теоретическое значение для изучения тюрко-монгольских языковых связей на конкретном примере бурятского языка, могут послужить научной базой для создания исторической грамматики как бурятского, так и вообще монгольских языков, а также для дальнейших научных разработок в области межъязыковых связей и для изучения древнетюркского влияния на другие монгольские языки, что в конечном итоге позволит решить многие вопросы алтаистики.

Практическая ценность работы. Результаты проведенного в диссертации исследования имеют кроме научного также и большое практическое значение, поскольку могут лечь в основу вузовских курсов лекций по исторической лексикологии и исторической грамматике бурятского языка, по изучению общих вопросов сопоставительно-типологических и сравнительных исследований.

Апробация работы. Диссертация обсуждалась на заседаниях отдела языкознания ИМБТ СО РАН. Основные положения работы представлены на научных конференциях «Актуальные проблемы монголоведения. Санжеевские чтения – 6» (Улан-Удэ, 2006), «Этнокультурные и фольклорные традиции народов Центральной Азии» (Улан-Удэ, 2007), «Цыбиковские чтения – 8» (Улан-Удэ, 2008). По теме диссертации опубликовано 5 статей:

1) К истории бурятско-тюркских языковых связей // Вестник БГУ, серия «Филология». Вып. 18. – Улан-Удэ, 2007. – С. 92-96;

2) Сравнительная характеристика деепричастий в монгольском, бурятском и тюркских языках // Вестник БГУ, серия «Филология». Вып. 10. – Улан-Удэ, 2009. – С. 131-134;

3) О влиянии языка тюркских племён на язык протобурят // Актуальные проблемы монголоведения. Санжеевские чтения – 6. – Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – Ч. 1. – С. 68-70;

4) Категория принадлежности в бурятском и тюркских языках // Этнокультурное и фольклорное наследие монгольских народов в контексте истории и современности. – Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – С. 148-152;

5) Сравнительная характеристика аффиксального словообразования глагольных основ в бурятском и тюркских языках // Гомбожап Цыбиков – выдающийся учёный и путешественник. Вып. 2. – Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – С. 158-165.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, содержащего описание истории бурятско-тюркских связей, двух глав, заключения, библиографии и списка принятых сокращений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, состояние изученности проблемы, определяются цель и задачи, объект и предмет исследования, методы, формируется научная новизна, теоретическая и практическая ценность работы.

В начале работы рассматривается история соприкосновения бурятско-тюркских связей, которая уходит своими корнями в далёкое прошлое. Тюркское влияние на монгольские и бурятский языки начинается уже со времен хуннов. Хуннская держава, возникшая на территории Центральной Азии в конце III в. н.э., представляла собой мощный союз кочевых племён, среди которых доминирующее положение занимали тюркоязычные племена. Её влияние распространялось в течение трехсот лет на огромных пространствах от Енисея до Маньчжурии и от Хуанхэ до Байкала. Все народы, которые находились под властью хуннов, испытывали с их стороны сильное влияние, что обуславливало возникновение в их языках сходных элементов. Не исключением был и протобурятский язык. Согласно данным исторической науки последних лет, протобуряты с древнейших времён жили на северо-восточной и северной окраине территории расселения монгольских племён между Прибайкальем и Приамурьем, на территории, подвластной хуннам. Здесь имели место первоначальные контакты протобурят с тюркоязычными и тунгусо-маньчжурскими племенами.

Первые протобурятские племена *бурет* (позднейшее *булагат*) и *коро*

(позднейшее *хори*) стали обособляться от древних монголов «ещё в тюркский период их истории, то есть в V-XII вв., о чём свидетельствуют тотемные названия тех времён, дошедшие до нас в виде родовых и племенных этнонимов и эпонимов» [Цыдендамбаев 1972, с. 634]. В X-XI вв. на территории, определённой ученым В.М. Наделяевым как Циркумбайкалье (регион от Байкала до среднего Енисея, включая Минусинскую котловину, с центром у озера Байкал), появляются монголоязычные племена – *икиресы* (эхириты), *булагчины* (булагаты) и *коро* (хоринцы). К приходу первых монголоязычных племён Циркумбайкальский регион был заселён тюркскими, тунгусскими и киргизскими племенами. В VI-X вв. н.э. на территории Прибайкалья (бассейн реки Ангары) обитали *куруканы* (предположительно предки якутов), тюркоязычный народ; к северу от них, в бассейне верхней Ангары, кочевали тунгусские племена [Сосновский 1928, с. 99]. Появление монголоязычных племён в Прибайкалье закончилось столкновением их с тюрками и киргизами, причиной которого была борьба за территорию. В результате тюрки были оттеснены на север (предки нынешних якутов) и на запад (предки киргизов). Оставшиеся отдельные группы тюрков ассимилировались с монголами, оставив тем самым в языке нынешних бурят достаточно заметный след. Значительно позже примкнул к трём бурятским племенам довольно большой пласт монголов, известных под общим названием *хонгодоры*, которые осели в нынешних бурятских районах Закамны, Тунки и Оки Республики Бурятия, Аларском районе Иркутской области. И, наконец, позднее в начале XVIII в., в пределы современной Бурятии прибыли *цонголы* и *сартулы*, представляющие собой конгломерат многих монгольских родов: *табангутов*, *хатагинов*, *атаганов*, *хорчинов* и *урянхайцев*.

На древние контакты и связи протобурятских племён *хори* и *булагат* с древнетюркскими племенами указывают также дошедшие до нас предания и легенды бурят. Колониальная зависимость первых протобурят от тюрков сказалась и в смене их тотема *чино* «волк» на древнетюркский *бука* – «бык-производитель». Имеется предположение, что и сам этноним *бурят* тюркского происхождения и представляет собой перевод на тюркский язык древнего этнонима *чинос* «волки», которым называла себя часть протобурят еще в середине I тысячелетия н.э.

Результаты проведенного нами исторического анализа показывают, что буряты издревле имели тесные контакты с тюркоязычными народами. На древний характер этих отношений указывает наличие слов, попавших в бурятский язык из древнетюркского и языка типа болгарского. Вероятно,

контакты предков бурят с предками болгар происходили ещё в те времена, когда предки болгар не откочевали на запад. Стоит отметить, что в бурятских говорах, главным образом в западных, содержится значительное количество слов тюркского происхождения, которые либо в отношении семантики, либо в отношении звукового оформления стоят ближе к тюркскому оригиналу, нежели подобные слова в других монгольских языках. Наличие таких слов связано с курыканами VI - X вв., предполагаемыми предками якутов, и, по всей видимости, большой пласт слов тюркского происхождения был унаследован бурятами от тюрок-курыкан.

Первая глава «Влияние тюркских языков на развитие лексического состава бурятского языка» посвящена выделению в бурятском языке общей монголо-тюркской, общепурятской и бурятской диалектной лексики тюркского происхождения. В первом параграфе рассматривается общая монголо-тюркская лексика в бурятском языке. Данный пласт лексики составляют слова, широко распространённые в современных бурятских говорах и встречающиеся в других монгольских языках. Общая монголо-тюркская лексика в бурятском языке обнаруживается в терминах родства и свойств людей, в некоторых названиях частей тела человека, в животноводческой терминологии, в названиях молочной пищи, кормовых трав, терминологии фауны, названий предметов и явлений из области неживой природы, а также в глаголах, прилагательных, числительных, местоимениях и наречиях. Например: бур. *аха*, монг., калм. *ах*, даг. *ага*, аг, баоан. *агэ*, м.-п. *ага* «старший брат» < тюрк.: др.-тюрк. *ага*, узб. *ака*, *ога*, хак., туркм., каз., кирг., тат. *ага*, тув. *акы* «старший брат»; зап.-бур. (закам.) *оморюу*, *умарюу*, монг. *умру* «ключица», м.-п. *отигууи*, калм. *омруу*, *омруун* «грудная клетка, грудь, подгрудок (свисающая часть кожи под шеей животных)» < тюрк.: др.-тюрк. *отуз*, тур. *отуз* «плечо, спина», туркм. *омуз* «плечо», башк. *омрау* «ключица», каз. *омырау* «грудь», кирг. *омуро* «грудь (верхового животного)», узб. *умров* «грудь», чув. *айра* «грудь (животных)» – корневая морфема *омур*; бур. *тором* «двухлетний верблюжонок», монг. *тором* «годовалый верблюжонок» < тюрк.: др.-тюрк. *torum* id.; бур. *хурууд* «спрессованный творог (род сыра)», монг. *хурууд* «спрессованный творог», м.-п. *qurūt* id. < тюрк.: др.-тюрк. *quru-* ~ *qurī-* «сохнуть, высушить»; бур. *хяаг* «пырей», монг. *хиаг* «вострец», м.-п. *kiyaу* «кормовая трава типа пырея» < тюрк.: башк. *кыйак*, кирг. *кыак* «пырей, злаковое растение с режущими листьями» < тюрк. *qīq-* «резать наискось»; бур. *мойһон* «черемуха» < тюрк. *toyıl* ~ *toyul* «черная смородина», др.-тюрк. *toyılsun*; бур. *аяга* «чаша,

чашка, стакан, глубокая тарелка», монг. *айга(н)* «чаша, пиала, кружка» < тюрк.: др.-тюрк. *ајақ* «чаша»; бур. *аглаг* «дальний, далёкий, удалённый, отдалённый, девственный (о лесе), чистый», монг. *аглаг* «уединённый, отдалённый, далёкий, отдалённый» < тюрк.: др.-тюрк. *аулақ* «безлюдный, пустынный, уединённый»; бур. *мянга(н)* «тысяча», монг. *мянга(н)* < тюрк.: др.-тюрк. *тінү* «тысяча», кирг. *миң* «тысяча»; бур. *миний* «мой», монг. *миний* «мой» < тюрк.: др.-тюрк. *теп*, тув. *мээн*, *мээнин*, хак. *минин*, алт., кирг. *мен+ики*, каз. *менікі*, к.-калп. *менин*, узб. *менинг*, уйг. *менин*, туркм. *менин* id.; бур. *баһа* «опять, ещё, также, тоже, затем», монг. *бас*, м.-п. *basa* < тюрк.: др.-тюрк. *basa* «опять, ещё», тув. *база катан*, кирг. *баса*, хак. *пазах*; бур. *бүтэ-* «выполняться, осуществляться, удаваться», монг. *бүтэ-* «осуществляться, удаваться, исполняться, сбываться» < тюрк.: др.-тюрк. *бүй-* «кончатся, заканчиваться, завершаться, исполняться».

Во втором параграфе была рассмотрена общепурятская лексика тюркского происхождения. Было выявлено, что собственно бурятских слов тюркского происхождения, бытующих только в бурятском языке и отсутствующих в монгольских языках, насчитывается около 50 слов. Больше всего они представлены в говорах западных бурят, которые исторически больше контактировали с тюрками. Например: зап.-бур. *арбаэ*, калм. *арбаэ*, м.-п. *арбай* «ячмень» < тюрк.: др.-тюрк. *агра* «ячмень», зап.-бур. (нижнеуд.) *куузан* «комнатная муха» < тюрк.: общетюрк. лексема *қоңуз* «жук»: др.-тюрк. *қоңуз*, *қиңқуз*, кирг. *қоңуз*, алт. *қоңус*, тат. *қуңыз*, уйг. *қоңғуз* «жук».

Третий параграф посвящен бурятской диалектной лексике тюркского происхождения. В нем представлен хронологический обзор классификаций бурятских диалектов, предложенных учёными М.А. Кастреном, А. Орловым, А.Д. Рудневым, Н.Н. Поппе, Г.Д. Санжеевым, Т.А. Бертагаевым, Ц.Б. Цыдендамбаевы, С.Б. Будаевым, В.И. Рассадным и И.Д. Бураевым. Далее были рассмотрены слова тюркского происхождения в отдельных говорах бурятского языка, в частности, в западном, восточном и южном наречиях. В западном наречии бурятского языка наблюдается, в отличие от южного и восточного наречий, наибольшее количество слов тюркского происхождения, которые в семантическом или фонетическом плане стоят ближе к тюркскому оригиналу по сравнению с другими монгольскими языками. Это может свидетельствовать о независимом от других монгольских языков заимствовании слов предками бурят у тюрков. Проникновение тюркизмов, отличных от других монгольских языков в бурятский язык, связано с так называемой курумчинской культурой, существовавшей на территории

Прибайкалья в древнетюркское время. Границы её распространения охватывали низовья Селенги, долины Баргузина, Тунки, долину Ангары до Балаганска, верховья Лены до Жигалова. По мнению исследователей, носителями этой культуры являлись *куруканы* (уч-куруканы) или *гулиганы* согласно китайским летописям. Что касается их этнической принадлежности, то этот вопрос спорный, но тот факт, что в последующем часть *курукан* вошла в состав бурят, особенно западных, а часть вошла в состав будущей якутской народности, не вызывает сомнений у учёных. Наличие слов тюркского происхождения в говоре западных бурят является отражением тех разнотипных связей, которые возникали между предками бурят и тюрками-куруканами. В южном и восточном говорах бурятского языка представлена общая монголо-тюркская лексика, которая была заимствована предками бурят ещё в те времена, когда они входили в состав монголов со времён хунну. Собственно бурятских тюркизмов, представленных в южном и восточном наречиях, насчитывается небольшое количество. Так, в восточном наречии стоит отметить слова – бур. *бэлыгүү*: *бэлыгүү нюдэн* «всевидящие глаза», *бэгсэргэ* «сова» < общетюрк. *бил* «знать, ведать», *бэл* «выявлять», др.-тюрк. *bilgä* «мудрый, мудрец», чаг. *bilgü* «мудрость»; бур. *ялаан* «плешина, голое место, шрам, не зарастающий волосами» < тюрк.: др.-тюрк. *yalaŋ, yaliŋ* «голый, непокрытый», и в южном – бур. *хибэс* «ковёр» < тюрк. *kiyis* «ковёр»; бур. *булдуруу* «песчаный бугор с лесом» < тюрк. *bulduru id*.

Вторая глава «Влияние тюркских языков на развитие грамматического строя бурятского языка» состоит из трёх параграфов.

Первый параграф посвящён выявлению общих монголо-тюркских черт в грамматике бурятского языка, во втором параграфе отражены особенности грамматики бурятского языка, развивавшейся под тюркским влиянием и, наконец, в третьем параграфе рассматриваются следы тюркского влияния в словообразовательной системе бурятского языка.

В первом параграфе «Общие монгольско-тюркские черты в грамматике бурятского языка» были рассмотрены грамматические категории в бурятском языке в сравнительном плане с тюркскими языками, в частности, категория склонения, категория принадлежности, категория множественности, категория времени, категория наклонения, залога и категория определённости - неопределённости.

Категория склонения в бурятском языке обнаруживает чрезвычайную близость форм, образующих все основные падежи, с тюркскими языками. Сходство материального выражения рассматриваемой грамматической

категории, то есть материальная общность соответствующих грамматических формантов выражения объектных отношений проявляется прежде всего в том, что категория склонения отмечается в падежной системе и тюркских, и монгольских языков. В бурятском языке категория склонения наиболее полно представлена в именах существительных. Склонение в бурятском языке соответствует так называемому однотипному склонению тюркских имён, рассмотренному в своё время Н.К. Дмитриевым, который писал, что «в тюркских языках нет первого, второго, третьего и т.д., как в русском языке, или слабого, сильного и смешанного склонения, как в немецком языке, а есть один тип склонения, применяющийся во всех случаях» [Дмитриев 1948, с. 61]. В бурятском языке насчитывается семь падежей: именительный, родительный, дательно-местный, винительный, орудный, совместный и исходный. Сходства категории склонения бурятского языка с тюркским вариантом заключаются в том, что в суффиксах родительного, винительного и местного падежей содержатся соответствующие элементы *n*, *i*, *d* (*v*), тогда как сами суффиксы падежей в этих языках существенно разнятся. Более того, в монгольских языках (в бурятском языке, в частности) кроме названных падежей, орудный, совместный и исходный падежи не имеют материальных соответствий в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках.

Категория принадлежности в бурятском языке, как известно, выражается путём присоединения аффиксов к именам. В тюркских языках способность выражения принадлежности при помощи специальных аффиксов была присуща с древнейших времён и унаследована ими от тюркского праязыка. Общность категории лица и личной принадлежности в тюркских и монгольских языках настолько последовательна и материально идентична, что позволяет реконструировать общие алтайские архетипы каждой формы. Анализируя данную категорию, можно сделать вывод, что аффиксы принадлежности восходят к предикативным показателям, а предикативные показатели – к личным местоимениям. Таким образом, в тюркских, монгольском и бурятском языках аффиксы принадлежности являются отражением редуцированных форм личных местоимений и проявляются в первом, втором и третьем лицах единственного и множественного числа.

Категория множественности в бурятском языке оформляется при помощи специальных суффиксов, предназначенных для производства имён во множественном числе. В бурятском языке таких суффиксов насчитывается около десяти: *-д*, *-ууд/-үүд*, *-зууд/-зүүд*, *-нууд/-нүүд*, *-нар/-нэр*, *-шуул/-шүүл*, *-шууд/-шүүд*, *-н*, *-та*. Данные суффиксы не однородны по своему значению и

выражают четыре различных типа множества: ограниченное множество (с суффиксами множественного числа *-д* и *-н*), собирательное множество (суффиксы мн.ч. *-тан*, *-шуул/-шүүл*, *-шууд/-шүүд*, *-нар/-нэр*, *-над/-нэд*), сплошное множество (показатель множественности на *-н*) и неопределенное множество (суффиксы *-ууд/-үүд*, *-гууд/-гүүд*, *-нууд/-нүүд*). Суффиксы множественного числа находят своё отражение в тюркских языках. Так, показатель множественного числа в монгольском и бурятском языках на *-д* имеет параллели в древнетюркских памятниках в форме на *-т* и является отголоском общеалтайского состояния. Например, ср: монг., бур. *морин* «лошадь» (ед.ч.) - *морид* «лошади» (мн.ч.); др.-тюрк. *tigin* «принц» (ед.ч.) - *tigit* «принцы» (мн.ч.). Переход тюркского *-т* в бурятском на *-д* является вполне обусловленным, поскольку чередование *т* → *д* и, наоборот, *д* ← *т* в монгольских языках является довольно распространённым явлением.

Что касается суффикса множественного числа на *-н* в бурятском языке, то в тюркских языках этому суффиксу как в звуком отношении, так и с точки зрения семантики соответствует показатель множественного числа на *-(а)н*, зафиксированный в древних тюркских языках, например: *оглан* «юноши», *ерэн* «мужи», *қырқын* «девушки». Аффикс *-н* является показателем собирательной множественности.

Относительно аффикса *-нар/-нэр* то он, вполне возможно, связан с тюркским показателем множественного числа на *-лар/-лэр*, который наиболее употребителен во всех тюркских языках для обозначения множественности предметов и явлений (за исключением чувашского языка) и представляет собой результат контаминации двух древних показателей собирательной множественности *-л* и *-р*. Например: тюрк. *bäg* «князь, бек» (ед.ч.) - *bäglär* «князи, беки» (мн.ч.).

Бурятские аффиксы множественного числа на *-ууд/-үүд*, *-гууд/-гүүд*, *-нууд/-нүүд* также восходят к древнетюркскому показателю множественного числа на *-т*. Гласный *-у* в суффиксах *-ууд/-үүд*, *-гууд/-гүүд*, *-нууд/-нүүд* возник в языке как связочный элемент, который в сочетании с суффиксом *-д* превратился в *-уд*, например: монг. *bičig* «письмо» (ед.ч.) - *bičigüd* «письма», *пот* «книга» (ед.ч.) - *potud* «книги»; *гер* «дом» (ед.ч.) - *gerüd* «дома» (мн.ч.). И здесь, как и во многих падежных окончаниях (род., вин., исх. п.), гласный окончания на более позднем этапе развития языка становится долгим и в качестве вставочного соединительного появляется *-н*.

Что касается категории времени, в бурятском языке, как, впрочем, и в других языках, существует три грамматически выраженных времени:

настоящее, прошедшее и будущее. Категория времени в бурятском языке связана с такими понятиями, как синтетическая конструкция и аналитическая конструкция. Особенностью синтетической конструкции является то, что в её первую часть входят глаголы настоящего времени с суффиксом *-на* или прошедшего времени с суффиксом *-ба*, причастия заведомо-прошедшего времени на *-нхай* или настояще-прошедшего времени на *-аа*, а во вторую часть – вспомогательные глаголы с модальным значением, модальные слова, сказуемые частицы с модальным или временным значением. Например: *Тэрэш эндэ һууна байна* – «Он, должно быть, сидит здесь»; *Жаргал ошохо ёһотой* – «Жаргал должен уйти»; *Эгэшэм намда бэшэг бэшээ һэмнэй* – «Моя старшая сестра давно ведь написала мне письмо»; *Хэрэгтэй хүншни ерээ ха* – «Тот, в ком ты нуждался, кажется, приехал».

Аналитическая форма в бурятском языке образуется с помощью соединительного деепричастия основного глагола и вспомогательного глагола *бай-* с первоначальным значением «есть, находится, пребывать». Аналитическая форма настоящего времени монгольского и бурятского языков имеет типологическое сходство с тюркской, которое проявляется в следующем. В тюркских языках, как известно, существует несколько структурных типов настоящего времени, среди них следует отметить настоящее определённое время. В его образовании в тюркских языках принимают участие вспомогательные глаголы: *јат-* «лежать», *тур-* «стоять», *отур-* «сидеть», *јур-* «ходить». Первым компонентом данного типа настоящего определённого времени является деепричастие, как обычно, на *-ын/-ин*, вторым – формы настоящего времени вспомогательного глагола на *јат-*, *тур-*, *отур-*, *јур-*. Стоит отметить, что в бурятском языке первоначальное значение глагола *бай-* «стоять, быть». Это слово можно сопоставить с тюркским вспомогательным глаголом на *тур-*, который как и в бурятском языке, имеет значение «стоять». Помимо этого в качестве вспомогательного глагола настоящего времени в образовании аналитической формы настоящего времени в бурятском языке вместо *бай-* может употребляться глагол *хэбтэ*, выражающий как вспомогательный глагол положение, в котором совершается действие, наряду с обозначением настоящего времени, а также может отражать оттенок избыточной длительности, например: *унишажса хэбтэнэ* «читает лежа», *убһөө сабишажса хэбтэнэ* «возится с покосом» (т.е. «всё ещё косит»). *Хэбтэ-* как вспомогательный глагол соотнесим с тюркским вспомогательным глаголом на *јат-*, который, как было отмечено выше, имеет значение «лежать». Таким образом, можно заключить, что вспомогательные глаголы *бай-*, *хэбтэ-* в бурятском языке и вспомогательные

слова *тур-, jat-* в тюркских языках имеют сходное значение и, таким образом, представляют собой типологическое сходство.

Форма прошедшего времени на *-ба/-бэ*, как отмечает Г.Д. Санжеев, «...находится в этимологической связи с тюркским *-н* и маньчжурским *-фи*, показателями деепричастия прошедшего времени, в чём усматривается первоначальная форма претеритного отглагольного имени в праалтайских языках» [Санжеев 1953, с. 129-130]. Кроме этого, аналитическая форма прошедшего времени, образуемая путём сочетания разделительного деепричастия основного глагола со вспомогательным глаголом *бай-* «быть, находиться, пребывать», представляет собой типологическое сходство с прошедшим определённым временем в тюркских языках. Так, в ряде тюркских языков при образовании прошедшего определённого времени используются деепричастия на *-ын/-ип* + вспомогательные глаголы *јат-* «лежать», *тур-* «стоять», *отур-* «сидеть» и *јур-* «ходить», ср.: алт. *ур-* «учиться»: *Үренип турдым* «Я учился» и т.п.

Будущее время глагола в бурятском языке, выражаемое с помощью причастия будущего времени с суф. *-ха* (*-хэ*, *-хо*), связано с тюркской формой. Согласно точке зрения Г.И. Рамштедта, остаётся в силе сделанное им в генетическом отношении сопоставление показателя монгольского причастия будущего времени на *-qu/-kü* с суффиксом имён действия средневековой тюркской речи на *-yu/-gü*. Глагол с этим окончанием выражает действие либо предстоящее, либо незавершённое.

Категория наклонения. Наклонение представляет собой грамматическую категорию глаголов, имеющих специальные формы и выражающих отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим. В основе категории наклонения лежит модальность, т.е. выражение отношения высказывания к действительности. В бурятском языке можно выделить следующие глагольные наклонения: повелительное, увещательное, призывное, волевое и предостерегательно-допустительное. Сопоставляя категорию наклонения в бурятском языке с категорией наклонения в тюркских языках, следует отметить, что из перечисленных форм общими типологически совпадающими являются повелительное, призывное и желательное наклонения. Повелительное наклонение в тюркских языках во 2-м лице ед. ч. совпадает с исходной формой глагола и не имеет специальных аффиксов, ср.: тюрк. *ал* «возьми», *јаз* «пиши», «*bu süg elt tidi ...*» – «веди это войско» и бур. *унша* «читай», *јба* «иди».

Что касается призывного наклонения, то Рамштедт эту форму наклонения

сопоставляет с генетической точки зрения с тюркско-орхонской *-a-yin/-e-yin* и трактует как показатель 1-го л. ед.ч. будущего времени или повелительного наклонения. Желательное наклонение, по его мнению, есть не что иное, как соответствие в других алтайских языках в виде повелительных форм: *-sun/-sın/-sin* в тюркских и *-so/-su/-hu* в тунгусо-маньчжурских [Ramstedt 1903, 73-74].

Категория залога. В бурятском языке выделяют следующие залоговые формы: побудительный, страдательный, совместный и взаимный. Побудительный залог выражает действие, обозначенное производящей основой глагола и предназначенное для исполнения объектом, что и имеет особое оформление. Побудительный залог образуется от глагольных основ, главным образом, при помощи суф. *-уул* (*-үүл*, *-юул*) и *-лга* (*-лгэ*, *-лго*): *унша* «читать» + *-уул* = *уншуул* «заставить прочитать», *уу* «пить» + *-лга* = *уулга* «заставить пить» и т.п. Страдательный залог выражает действие, обозначенно производящей основой глагола и направленное на объект, оформленный в вид субъекта. Этот залог образуется от глагольных основ при помощи суф. *-гда* (*гдэ*, *-гдо*), *-да* (*-дэ*, *-до*) и *-та* (*-тэ*, *-то*): *бари* «хватать» + *-гда* = *баригда* «быть схваченным (или пойманным)», *дуул(а)* «слушать», «слышать» + *-да* *дуулда* «быть слышимым», *аб(а)* «брать» + *-та* = *абта* «быть взятым» «даваться».

Совместный залог выражает действие, обозначенное производяще основой глагола, при котором субъект совместно с кем-либо совершает действие или помогает ему совершать это действие. Этот залог в бурятском языке образуется на базе глагольных основ путём присоединения суффикса *лса* (*-лсэ*, *-лсо*): *дуула* «петь» + *-лса* = *дуулалса* «подпевать», *наада* «играть» *-лса* = *наадалса* «участвовать в игре» и т.п.

И, наконец, взаимный залог выражает действие, обозначенно производящей основой глагола, при котором два субъекта направляют действие друг на друга. Этот залог образуется от основ активных глаголов при помощи суффикса *-лда*: *бууда* «стрелять» + *-лда* = *буудалда* «стрелять друг друга», «перестреливаться», *шэдэ* «бросаться», «кидать» + *-лдэ* = *шэдэлдэ* «бросать (или кидать) друг в друга», «перебрасываться».

В тюркских языках категория залога имеет типологическое сходство категорией залога в монгольских языках. В частности, в тюркских языках выделяются, как и в монгольском и бурятском языках, страдательный, пассивный и возвратный залоговые формы и грамматические значения страдательного, пассивного, возвратного залогов в тюркских и монгольских языках одинаковы.

Категория определённости-неопределённости. Категория определённости-неопределённости присуща всем языкам, но средства выражения значений этой категории различны: морфологический, синтаксический, аналитический приемы и т.д. Долгое время изучение категории определённости-неопределённости ограничивалось лишь разграничением языков по артиклевому признаку. К одному виду относились безартиклевые языки, к другому – артиклевые. Монгольские и тюркские языки относятся к безартиклевым языкам, т.е. языкам, у которых отсутствуют специальные грамматические показатели для выражения категории определённости-неопределённости. Здесь категория определённости-неопределённости носит скрытый, имплицитный характер и проявляется посредством уже существующих языковых категорий и структур, в частности через:

1. *Склонение.* Категория определённости-неопределённости проявляется в грамматическом выражении винительного падежа в монгольских и тюркских языках и является главным определяющим фактором при оформлении винительного падежа в целом. В монгольском, бурятском и тюркских языках противопоставление по признаку определённости-неопределённости имеет место и между дательным-местным и направительным падежами. Дательный-местный выражает более точное пространственно-временное отношение, направительный же указывает лишь на направление.

2. *Множественность.* Категория множественности основана на противопоставлении логических понятий единичности и множественности. Если единичность всегда соотносится с количественной определённой предметом, то множественность может и не соотноситься с ней. Различают как определённую (когда известно точное количество предметов), так и неопределённую (когда известно, что предметов больше, чем один, но точное их количество не определено) множественность. Неопределённая множественность имеет значение неподсчитанного и неизвестного множества предметов без указания на их точное количество. Соответственно определённая множественность имеет место в том случае, если есть указание на точное количество предмета. Самым распространённым способом проявления неопределённого множества в монгольских и тюркских языках является аффиксальный способ, реализуемый путём присоединения аффиксов к слову.

Аффиксальный способ образования неопределённой множественности обнаруживается и в числительных монгольских и тюркских языков, в частности, в разделительных числительных, причём неопределённая

множественность в выражении числительных в монгольских и тюркских языках носит в данном случае типологическое сходство.

Типологическое сходство неопределённой множественности в монгольских и тюркских языках проявляется также и в категории залога. Совместный залог в бурятском языке, образующийся с помощью аффикса *-лса* (*-лсэ*, *-лсо*), а в монгольском – с помощью аффикса *-лц*, указывает на то, что в совершении кем-либо действия принимают участие двое или более лиц, или что действие выполняется совместно с кем-либо: бур. *дуулалсаха* «вместе с кем-нибудь петь», монг. *хэлэлцэх* «вместе с кем-нибудь говорить». В свою очередь, в тюркском языке взаимный залог, показателем которого является аффикс *-ш / -с* (*-š/-s*), *-ыш/-иш* (*-iš/-is*), обозначает совместное действие двух или нескольких субъектов без возврата действия на них: *öglä+š(-s)*- «совещаться друг с другом», *qab+iš(is)*- «соединяться друг с другом», ног. *sev+-иш-* «любить друг друга».

3. *Наклонение*. Категория наклонения фактически указывает на степень реальности-ирреальности. В монгольских и тюркских языках изъявительное наклонение констатирует факты как существующие и вполне определённые с точки зрения их существования, повелительно-желательное, сослагательное наклонения демонстрируют лишь различную степень желаемости, вероятности, абстрактности, а значит неопределённости действия;

4. *Категорию времени*. Категория времени в монгольских и тюркских языках также распадается на признаки определённости-неопределённости. Неопределённое время, представленное в монгольских и тюркских языках, оформляя действие, не даёт указания на конкретную точку во временном отрезке. Оно только относит действие к прошлому, настоящему или будущему относительно момента речи.

Стоит отметить, что монголо-тюркские следы в грамматике бурятского языка обнаруживаются и в деепричастных формах. При сопоставлении деепричастных форм в бурятском и монгольском языках с системой деепричастий в тюркских языках принимались во внимание формы деепричастий в старописьменном и средневековом монгольском языке. Деепричастные формы последних являются показателями отражения прототипами аффиксов деепричастий в современных бурятском и монгольском языках и позволяют в целом реконструировать общий архетип деепричастий рассматриваемых языков. Так, было установлено, что к аффиксам, связанным с развившимся, по всей вероятности, под тюркским влиянием, относятся: а монгольский старописьменный аффикс *-basu/-besü*, который можн

сопоставить с условной формой в тюркских языках на *-ca/-cэ*, которая, по мнению Н.А. Баскакова, представляет собой «аффикс образования глагола от имени и имени действия с оттенком желая, хотения» [Баскаков 1953, с. 54-56]; б) аффикс *-bala/-bele, -qula/-küle* относительно происхождения элемента *-la/-le* в составе аффиксов *-bala/-bele, -qula/-küle* следует принять во внимание тюркскую условную форму на *-sa/-se<-sar/-ser*. По мнению Н.А.Баскакова, в тюркских языках наиболее древним и близким по своему значению и фонетическому оформлению является соответствие аффиксов условных форм на *-ca/-cэ* и *-la/-лэ* [Баскаков 1953, с. 52, 56]. Вполне вероятно, что монгольский элемент *-la/-le* в условных формах на *-bala/-bele* и *-qula/-küle* соответствует монгольскому *-sa/-se /-su/-sü*, несущему значение условности в тюркских языках; в) аффикс *-maγča /-megče* также имеет тюркское происхождение и представляет собой тюркское отглагольное имя на *-maq/-mek* в сравнительно-предельном падеже на *-ča/-če* (аффикс терминатива на *-ča*); г) аффикс целевого деепричастия на *-r-a/-r-e* и цитатного деепричастия на *-r-un/-r-ün*, которые представляют собой отглагольное имя на *-r*, имеющее значение будущего или настояще-будущего времени + аффикс дательного падежа на *-a/-e* в первом случае и аффикс родительного падежа на *-un/-ün* во втором. Здесь образование целевого деепричастия на *-r-a/-r-e* является типологически сходным с тюркской моделью образования деепричастия на *-yanda/-gändä*, где второй компонент *-da/-dä* является аффиксом дательного падежа.

Во втором параграфе «Особенности грамматики бурятского языка, развившейся под тюркским влиянием» были рассмотрены наречия и деепричастия. Стоит отметить, что бурятский язык в области грамматики сохраняет отличные, специфичные черты тюркского характера, отсутствующие в монгольском языке и имеющиеся только в бурятском языке. Это, в свою очередь, касается наречий и деепричастий бурятского языка. Так, наречия делятся на два основных разряда — коренные и производные. Коренные наречия представляют собой неизменные основы без каких-либо живых, употребляемых сейчас в языке аффиксов. Производные же образуются от существительных, прилагательных, местоимений, глаголов и других частей речи путём присоединения к их основам аффиксов. Случаи образования производных наречий при помощи различных аффиксов в современном монгольском языке малочисленны. Бурятский же язык, в отличие от монгольского, располагает большим количеством аффиксов, служащих для образования производных наречий. Для тюркских языков также характерен аффиксальный способ образования наречий. Наречия образуются с помощью

специальных аффиксов, путём изоляции падежных и деепричастных форм, сложением в единый комплекс двух и более слов, путём адвербиализации. Среди аффиксов тюркских языков, образующих наречия и не имеющих аналогов в монгольском языке, следует отметить аффикс *-ча/чэ* (*-ča/-čä < čaγ* «время, мера»). С помощью данного аффикса образуются наречия уподобления, манеры, предела действия, меры, ср.: *türgis qayan süsi bolučuda otča borča kelti* - «войско тюркешского кагана появилось на реке Болучу подобно огню, подобно буре». На наш взгляд, данному аффиксу в бурятском языке соответствует аффикс *-ca* (*č > s*), который образует наречия от именных основ прилагательных, от основ наречий и т.д. Например: *хайса* «хорошо, как следует» от *хайн* «хороший», *муса* «плохо» от *муу* «плохой», *оглорсо татаха* «тянуть так, чтобы вырвать с корнем» от *оглоро* (усилительное наречие), *бисарса гэхихэхэ* «наступить ногой так, чтобы разбилось» от *бисара* «вдребезги».

Среди аффиксов бурятского языка, образующих деепричастия, тюркское происхождение, возможно, имеют аффиксы предварительного деепричастия и деепричастия степени действия.

Предварительное деепричастие образуется с помощью присоединения к основе глагола аффикса *-мсаар*. В монгольском языке данному аффиксу соответствует аффикс *-магу*. В плане звукового оформления аффикс *-мсаар* в бурятском языке стоит ближе к тюркскому оригиналу по сравнению с идентичным монгольским аффиксом *-магу*. Он представляет собой отглагольное имя на *-м* + аффикс *-ca* + аффикс орудного падежа. Нами установлено, что второй компонент *-ca* аффикса *-мсаар* является по происхождению тюркским, прототипом его является аффикс древнего терминатива на *-ча/-чэ*.

Деепричастия степени действия, образуемое в бурятском языке с помощью аффикса *-хыса*, отсутствует в современном монгольском языке. На наш взгляд, компонент аффикса деепричастия степени действия *-ca*, входящий в состав аффикса *-хыса*, связан с древнетюркским аффиксом *-ca*, прототипом которого также является аффикс древнего терминатива *-ча/-чэ*.

В третьем параграфе «Следы тюркского влияния в словообразовательной системе бурятского языка» рассматриваются аффиксы тюркского происхождения, образующие имена существительные, прилагательные и глаголы бурятского языка. Как известно, монгольские и тюркские языки относятся к языкам агглютинативным. Аффиксация как в монгольских, так и в тюркских языках — наиболее употребительный грамматический способ

образования лексико-грамматических и формообразовательных основ и их изменения.

В заключении изложены краткие выводы по всей диссертации. Подводя итоги работы, приходим к заключению, что тюркские языки во многом повлияли на формирование бурятского языка. Общая географическая зона, а именно территория Центральной Азии, стала местом проживания и постоянного контактирования тюркских и монгольских племён. Общность лексических и грамматических элементов является отражением тех взаимосвязей, которые систематически возникали между данными этносами.

Отколовшись от основного монгольского ядра в V-XII вв., первые протобурятские племена начинают осваивать новые территории. Местом проникновения и впоследствии заселения первых протобурятских племён становится территория Циркумбайкалья с центром у озера Байкал. Приход этих племён на новую территорию вновь сталкивает их с тюркоязычными племенами, на сей раз с местными тюркоязычными племенами – курыканами. Влияние тюркоязычных племён – *курукан* – не могло не отразиться на языке бурятского этноса. Анализ лексики бурятского языка показал, что в западном говоре бурятского языка отмечается большой пласт слов тюркского происхождения, которые, по всей видимости, попали в язык западных бурят от тюрков-курукан. В основном эти слова связаны с животноводческой и земледельческой терминологией. Особенностью тюркизмов в западном говоре является то, что они встречаются только в западном говоре бурятского языка и отсутствуют в остальных монгольских языках. Что касается тюркизмов в других говорах бурятского языка, в частности, в восточнобурятском и южнобурятском наречии, то они представляют собой, главным образом, общую тюрко-монгольскую лексику, которая была заимствована протобурятскими племенами.

Необходимо отметить, что грамматический строй монгольских языков, в том числе и бурятского, также подвергся тюркскому влиянию. Связи, существовавшие между тюрками и монголами еще в глубокой древности, привели к проникновению тюркских грамматических элементов в монгольские языки. В ходе работы было выявлено типологическое и материальное сходство в грамматических категориях бурятского и монгольского языков с тюркскими языками. В целом грамматика бурятского языка отражает общее монголо-тюркское состояние со спецификой бурятского оформления. Собственно тюркское влияние на грамматику бурятского языка коснулось некоторых частей речи, в частности при образовании наречий и деепричастий

аффиксальным путём. Специфической чертой бурятского языка является то, что он в отличие от монгольского языка сохраняет компоненты древнейших показателей аффиксов пратюркского языка. Рассматриваемые компоненты входят в состав некоторых аффиксов, служащих для образования наречий и деепричастий в бурятском языке.

Бурятские словообразовательные аффиксы являются отражением общемонгольского языка. В свою очередь, словообразовательные общемонгольские аффиксы оформились под влиянием тюркских языков.

На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что влияние тюркских языков на формирование бурятского языка, вне всякого сомнения, сыграло значительную роль, подтверждением этому служат разнотипные связи рассматриваемых племен уже с древнейших времен, что в свою очередь способствовало проникновению тюркских элементов как в лексику, так и в область грамматики бурятского языка в целом.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:

**в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях,
утвержденных ВАК Минобрнауки РФ:**

1. К истории бурятско-тюркских языковых связей // Вестник БГУ, серия «Филология». – Улан-Удэ, 2007. Вып. 18. – С. 92-96.

2. Сравнительная характеристика деепричастий в монгольском, бурятском и тюркских языках // Вестник БГУ. Серия «Филология». Вып. 10. – Улан-Удэ, 2009. – С. 131-134.

Публикации в других научных изданиях:

3. О влиянии языка тюркских племён на язык протобурят // Актуальные проблемы монголоведения. Санжеевские чтения – 6. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2007. – Ч. 1. – С. 68-70.

4. Категория принадлежности в бурятском и тюркских языках // Этнокультурное и фольклорное наследие монгольских народов в контексте истории и современности. – Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – С. 148 – 152.

5. Сравнительная характеристика аффиксального словообразования глагольных основ в бурятском и тюркских языках // Гомбожап Цыбиков – выдающийся ученый и путешественник. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – Вып 2. – С. 158-165.

Подписано в печать 28.11.2010. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 1,28. Тираж 100 экз. Заказ 2068.

Издательство Калмыцкого университета
358000, г. Элиста, ул. Пушкина, 11